

Шишков А. С. Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб. : Морская типография, 1816.

Chateaubriand F.-R. de. De Buonaparte, des Bourbons. Paris : Impr. Mame frères, 1814.

Chateaubriand F.-R. de. De la monarchie selon la Charte. Paris : Impr. de Le Normant, 1816.

Chateaubriand F.-R. de. Essai historique, politique et moral sur les Revolutions anciennes et modernes considerees dans leurs rapports avec la Revolution. London : J. Deboffe, 1797.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton : Princeton University Press, 1975.

Travers E. Constant et Chateaubriand, deux défenses de la Monarchie // Revue Française d'Histoire des Idées Politiques. 2004. Nr 19. P. 89–123.

УДК 94(47).084.8

А. В. Соловьев

КОНТРУДАРЫ РККА В ИЮЛЕ 1941 г.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Статья направлена на то, чтобы обосновать возможность объединения рассмотренных операций РККА в единую линию и представить ее как типичную реакцию советского командования на первый кризис плана «Барбаросса». Обоснование сходства этих операций производится через их сопоставление по выделенным критериям. Одним из ключевых факторов провала этих операций, по мнению автора, является неспособность советского командования воспользоваться благоприятными условиями для их проведения с учетом кратковременности этих условий

К л ю ч е в ы е с л о в а : 1941 г., контрудары, Сольцы, Сенно – Лепель, 26-я армия.

В истории начального периода Великой Отечественной войны достаточно известны контрудары РККА летом 1941 г. Первые из них, относящиеся к последней декаде июня, обычно объединяются в единую «серию» [см.: История Великой..., т. 2, с. 30–31; История Второй мировой войны, т. 4, с. 38–39, 42]. Они проводились в соответствии с Директивой № 3, принятой Генштабом РККА 23 июня 1941 г. Логика данной Директивы была продиктована предвоенным советским планированием. В случае прорыва немецкими войсками полосы обороны вдоль госграницы предполагалось нанести контрудары подвижными соединениями и восстано-

вить положение на границе. Это было одним из рефренов в требованиях Наркомата обороны по планам прикрытия госграницы [1941..., с. 227, 233].

В то же время контрудары июля 1941 г. как в обзорных трудах, так и в работах, посвященных отдельным направлениям или операциям, обычно рассматриваются как индивидуальные, не связанные между собой операции [см.: История Второй..., т. 4; Анфилов; Исаев, 2010; 2011].

Такая точка зрения по-своему верна, так как эти контрудары проводились независимо друг от друга в интересах отдельных фронтов РККА. Но, на наш взгляд, у этих контрударов есть определенные общие черты, благодаря которым данные операции можно объединить. Для доказательства этого тезиса, на наш взгляд, необходимо сравнить:

- а) условия, в которых задумывались и осуществлялись контрудары;
- б) замысел каждой операции;
- в) влияние на планирование и развитие операций фактора времени.

Такими контрударами были:

- на западном направлении – контрудар в районе Сенно – Лепель (6–9 июля 1941 г.);
- на северо-западном – контрудар под Сольцами (14–18 июля);
- на юго-западном – контрудар под Фастовом и Белой Церковью (16–22 июля).

На западном стратегическом направлении к началу июля 1941 г. сложилась тяжелая обстановка. 28–29 июня части 2-й и 3-й танковых групп соединились в Минске, отеснив советскую 13-ю армию восточнее города и отрезав пути отхода 3-й и 10-й армий. Дальнейшей задачей немецких подвижных соединений был выход к Днепру: 2-й группы Гудериана – у Рогачева, 3-й группы Гота – у Витебска и Полоцка [см.: Анфилов, с. 175–177]. Это вызвало необходимость создавать рубеж обороны по Березине, Западной Двине и Днепру, в особенности в районе Орши – Могилева (так называемые Смоленские ворота). Он формировался за счет прибывающих на Западный фронт армий из внутренних округов – 20-й и 22-й. Они усиливались 7-м и 5-м мехкорпусами, при этом эшелоны последнего разворачивались прямо в пути с Киевского направления, для которого корпус предназначался изначально, на Смоленское, что привело к медленному и неполному сосредоточению соединений [см.: Исаев, 2010, с. 340].

Небольшой промежуток времени между завершением окружения под Минском и началом наступления танковых групп к Днепру был использован командованием Западного фронта для подготовки обороны – создавались система заграждений, велась разведка. А. И. Еременко, временно замещавший в должности командира фронта арестованного

генерал-полковника Д. Г. Павлова, планировал использовать приданные мехкорпуса как подвижный резерв. Он должен был противостоять прорывам, а также имел амбициозную задачу: в случае прорыва противника на Витебск или Оршу контратаками прижать его к Днепру и разгромить [см.: Исаев, 2010, с. 346].

Вступивший в командование фронтом нарком обороны С. К. Тимошенко 4 июля резко изменил задачи мехкорпусов. Он расценивал прорыв крупной немецкой группировки (две танковых и одна-две моторизованные дивизии) от Лепеля на Витебск как наиболее опасный вариант развития событий. Для его предотвращения он собирался нанести удар в направлении на Лепель и окружить прорвавшиеся части 39-го мотокорпуса противника.

Мы не можем с полной уверенностью судить о стратегических задачах контрудара, так как его разработка проходила в узком кругу, материалы обсуждения нам недоступны. Но, на наш взгляд, эти задачи состояли в перехвате у противника инициативы путем разгрома одной из его ударных частей. В перспективе это могло бы привести к ведению наступательных действий уже РККА. В данном случае эти задачи можно считать отголоском предвоенных концепций ведения войны.

Для выполнения задач 5-й механизированный корпус сосредоточивался в районах севернее Орши с задачей выйти севернее Лепель, а 7-й – южнее Витебска с задачей выйти через Сенно юго-восточнее Лепель и продолжить движение на запад, к Докшице. Глубина наступления корпусов составляла 126 и 135 км, что слабо соответствовало их маршевым возможностям и должно было занять определенное время [см.: Гланц, с. 89].

Решение на контрудар, принятое маршалом С. К. Тимошенко, ограничено критиковалось еще в советской историографии [см.: Еременко, с. 29]. Современные исследователи также называют более выгодным план, принятый А. И. Еременко и Г. К. Маландиным [см.: Исаев, 2010, с. 349–350].

В пользу контрудара были следующие факторы: отрыв механизированных соединений немцев от пехоты, скованной борьбой в Минском котле; невозможность в случае немецкого наступления удержать рубеж обороны. Среди отрицательных моментов назывались: отрыв советских мехкорпусов от собственной пехоты вследствие большой глубины наступления; неблагоприятная для наступления крупных масс танков местность; слабость авиации и ее неспособность обеспечить действия наземных войск [см.: Еременко, с. 29; Исаев 2010 с. 348–349]. Кроме того, замысел Тимошенко соответствовал базовым идеям использования механизирован-

ных войск, в том числе для решения задач по борьбе с прорывами противника. Но он не имел адекватных средств его исполнения, так как мехкорпуса были в подавляющем большинстве укомплектованы легкими танками (до 95–97 %), не способными к прорыву обороны, тем более насыщенной артиллерией различных типов [см.: Гланц, с. 87–88].

Также следует отметить, что почти традиционно для 1941 г. мехкорпуса вынуждены были идти в наступление без штатной мотопехоты. 109-я моторизованная дивизия 7-го мехкорпуса, прибыв на Украину, была брошена в бой. В район Орши из ее состава прибыли батальон мотопехоты и два батальона танков. 1-я моторизованная дивизия из 5-го мехкорпуса сосредоточилась раньше остальных частей корпуса и была брошена на прикрытие г. Борисова южнее Орши. Ко времени начала контрудара она уже понесла большие потери в бою с группой Гудериана. Кроме того, часть танков Т-26 была изъята для поддержки пехоты в обороне. Как вполне справедливо заметил А. В. Исаев, для этой задачи они были приспособлены лучше всего [см.: Исаев, 2010, с. 340, 346].

30 июня начальник штаба Главного командования сухопутными войсками генерал Гальдер принял решение о начале дальнейшего продвижения танковых групп к Днепру на рубеж Витебск – Орша – Рогачев – Бобруйск с задачей овладеть переправами через Днепр и Западную Двину [см.: Гальдер, с. 94–95]. Отсутствие пехотной поддержки, выделение танковыми группами части сил на удержание Минского котла привели к тому, что подвижные соединения немцев наступали широким фронтом, не имея локтевой связи друг с другом [см.: Гланц, с. 74, 76].

Свои коррективы внесла также погода: в полосе группы армий «Центр», особенно на Витебском направлении, два дня шли сильные дожди, которые размыли дороги, сильно задержав наступление 39-го мехкорпуса. В итоге его авангардная 7-я танковая дивизия, сильно растянувшись, вышла 4 июля к Лепелю, в 73 км западнее Витебска. К 5 июля Гот вступил в соприкосновение с частями 20-й армии в районе Сенно, где увяз [см.: Там же, с. 76].

Гудериан, вынужденный искать новое место переправы через Днепр ввиду сильного сопротивления советских войск у Рогачева, развернул часть своих сил (17-ю и 18-ю танковые дивизии) на север, к Орше. Это в последующем негативно скажется на развитии контрудара, так как данные силы будут нависать над флангом 5-го мехкорпуса [см.: Там же, с. 83–84, 89].

Несмотря на то, что наступление мехкорпусов планировалось начать утром 5 июля, к этому моменту они только завершали сосредоточение. 7-й корпус к 10:00 вышел в назначенный район и изготовился к атаке.

5-й корпус выполнил данную задачу лишь частично, так как его движение было задержано полосой заграждений, созданных 20-й армией для оборонительных целей [см.: Исаев, 2010, с. 350]. В конечном итоге наступление было начато 6 июля. Первоначально оба мехкорпуса двигались, не встречая противника. 5-му мехкорпусу удалось к исходу 6 июля выйти в окрестности Лепеля, но в силу тяжелых условий местности его тылы сильно отстали, что вынудило отложить атаку на 7 июля.

7 июля части корпуса смогли перейти в наступление только к 18:00 ввиду затянувшейся дозаправки. Вышеописанные задержки дорого стоили, поскольку успех контрудара в значительной степени зависел от скорости проведения операции и завершения ее до подхода немецких резервов.

В дальнейшем оба мехкорпуса имели весьма слабое продвижение, сумев занять на краткое время Сенно и потеснить мотопехоту 39-го моторкорпуса из Лепеля. Но уже с 7 июля 5-й, а затем 7-й мехкорпуса подверглись атакам с фланга и тыла танками Гудериана и подошедшей от Минска 12-й танковой дивизии генерал-майора Й. Харпе [см.: Исаев, 2010, с. 362].

В результате 5-й мехкорпус был окружен, и его остатки смогли выйти из котла только к 11 июля, 7-й корпус с большими потерями был отброшен от Сенно [ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 80, л. 8–10].

С 10 июля в связи с прорывом 57-го моторкорпуса на Полоцк операция была прекращена, а остатки мехкорпусов, обороняясь, отходили на восток, встраиваясь в оборону Западного фронта.

Смелый замысел контрудара, ставившего целью разгромить относительно крупную подвижную группировку немцев, провалился, привел к большим потерям и обескровливанию значительной части подвижных войск Западного фронта. Причинами провала были неадекватная структура и тактика действий мехкорпусов, слабость матчасти и подготовки личного состава, господство авиации противника в воздухе – в целом ситуация классическая для лета 1941 г. Но, на наш взгляд, немаловажным фактором, обусловившим подобный исход Лепельского контрудара, был тот жесточайший цейтнот, в котором С. К Тимошенко вынужден был реализовывать свой план. Между принятием решения на его проведение (4 июля) и подходом от Минска части 3-й танковой группы (9 июля) прошло около 5 суток. Части 2-й танковой группы вступили в бой еще 8 июля, резко изменив соотношение сил. Двое суток были потрачены на маневры мехкорпусов. Оставшегося времени было недостаточно для решения поставленной задачи. Даже если бы 39-й моторкорпус удалось окружить, его уничтожение потребовало бы дополнительного времени, которого у Западного фронта не было.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

а) контрудар в районе Лепель и Сенно задумывался и проводился в условиях отрыва подвижных войск от пехоты;

б) замысел контрудара состоял в разгроме механизированной группировки противника и перехвате инициативы у противника;

в) одним из ключевых факторов, определяющих успех контрудара, был фактор времени – немецкую группировку необходимо было разбить максимально быстро, до подхода подкреплений. Советской стороне использовать этот фактор в свою пользу не удалось, что во многом определило провал операции.

Аналогичная ситуация сложилась на Северо-Западном фронте. К 8 июля 1941 г. войскам группы армий «Север» удалось выбить советские войска с рубежа р. Западная Двина и рассечь их. 8-я армия была оттеснена на территорию Северной Эстонии, а 11-я и 27-я армии отходили на восток – к Новгороду и Пскову. 4-я танковая группа, входившая в состав группы армий «Север», была разобочена. Как писал Эрих фон Манштейн, командование направило 41-й моторкорпус от Пскова на север, чтобы отрезать советские войска севернее Чудского озера; 56-й корпус Манштейна был направлен южнее оз. Ильмень [см.: Манштейн, с. 182]

К 14 июля 8-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Бранденберге-ра сумела прорваться на 6 км восточнее Сольцев. Но на этом немецкие наступление приостановилось, так как боевые порядки дивизии и корпуса были сильно растянуты. Фланги дивизии открыты: левый – на 40 км, правый – на 70. Заняв оборону в городе, Бранденбергер стал ожидать подхода остальных частей корпуса [см.: Исаев, 2011, с. 234].

Советское командование решило воспользоваться сложившейся ситуацией и нанести удар по открытым флангам немцев с последующим окружением [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 25]. Контрудар планировалось провести частью сил 11-й армии Северо-Западного фронта: 183-й стрелковой дивизией, 16-м стрелковым корпусом, 1-м мехкорпусом. В связи с большими потерями, понесенными армией ранее, основной ударной силой должны были стать свежие дивизии 16-го корпуса (70-я и 237-я), прибывшие с Северного фронта. [Там же, л. 28]. Они должны были завершить сосредоточение к 11 июля. Но немецкие бомбежки помешали этому замыслу: 70-я дивизия сумела выполнить поставленную задачу к утру 13 июля, а в 237-й смогли перебросить только около 40 % состава [Там же, л. 29].

Тактический замысел контрудара – замыкание клещей западнее Сольцев и одновременное вытеснение противника из города. Стратегическая цель контрудара, на наш взгляд, состояла, исходя из его замысла

в перехвате инициативы у противника и обеспечении в дальнейшем перехода в наступление левого крыла Северо-Западного фронта.

Части 70-й дивизии смогли начать наступление 14 июля в 18:00–19:00, так как предыдущие попытки атаки срывались немецким артобстрелом. К исходу дня частям дивизии удалось продвинуться на 6 км севернее Сольцев [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 29].

Наступление 237-й стрелковой дивизии сначала было задержано до 20:30, поскольку приданные ей танки пришли в Городище к 19:00 вместо 17:30. Но в 20:25 немцы сами атаковали позиции дивизии. В итоге наступление началось около 21:30, в 22:30 части 237-й стрелковой дивизии были остановлены сильным огнем противника. 183-я дивизия смогла переправиться на другой берег Шелони лишь утром 15 июля [Там же, л. 31–33].

Итак, мы видим, что потери времени на сосредоточение войск усугублялись медленной организацией контрудара. 15 июля советской группировке удалось завершить окружение части сил противника в Сольцах и восточнее города [Там же]. В целом, по сведениям советской стороны, в окружение попало до полка пехоты с мотоциклистами и 50 танками. Но это были не все силы 8-й танковой дивизии, значительная их часть оборонялась на Шелони, стараясь не допустить полного окружения [см.: Исаев, 2011, с. 244–245].

16 июля советская разведка засекала подход немецких подкреплений, по-видимому, 1-го армейского корпуса из 16-й полевой армии и дивизии «Мертвая голова» [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 36]. Также с севера, от Луги, подошли части немецкой 3-й мотодивизии, вступив в бой с 237-й дивизией. Тем не менее, командование фронтом продолжает ставить перед 11-й армией задачу разгрома окруженного противника. Дивизии Бранденбергера при поддержке авиации удается сбить советские заслоны на шоссе западнее Сольцев и прорваться из котла к утру 16 июля [см.: Исаев, 2011, с. 245].

С вводом в бой немецких подкреплений войска 11-й армии были оттеснены на исходные позиции [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 41–45]. Это свидетельствует о том, что немецкое командование справилось с кризисом, а советские части исчерпали возможности наступления.

Подводя итог, отметим следующее:

а) контрудар под Сольцами, как и операция в районе Сенно – Лепель, проводился в условиях отрыва немецких подвижных соединений (8-й танковой дивизии) от пехоты, что создавало благоприятные условия для ее окружения;

б) стратегический замысел контрудара состоял в перехвате инициативы на левом крыле северо-западного направления;

в) одним из ключевых факторов для успеха контрудара была скорость его проведения.

К сожалению, в силу объективных и субъективных причин, в первую очередь медленной организации контрнаступления, воспользоваться своим преимуществом советская сторона не смогла.

Еще одна попытка контрудара была предпринята на Киевском направлении. К началу второй декады июля обстановку на Юго-Западном фронте можно охарактеризовать как шаткое равновесие. С одной стороны, в ходе приграничных сражений группе армий «Юг» не удалось разгромить советские войска, и они, пусть с большими потерями, отступили на линию старой границы. Первой танковой группе генерал-полковника Э. Клейста не удалось провести окружение. С другой стороны, силы армий Юго-Западного фронта постепенно истощались, и прорыв немецких механизированных соединений становился вопросом времени.

После прорыва 6–9 июля рубежа обороны по старой границе 1-й танковой группе и взаимодействующей с ней 6-й немецкой армии была поставлена двойная задача: основными силами они должны были окружить и разгромить 6-ю и 12-ю армии РККА ударом в район Винницы, в то же время меньшими силами создать плацдарм на левобережье Днепра [см.: Гальдер, с. 77]. Соответственно, это привело к рассредоточению танковой группы на широком фронте. Кроме того, быстрое развитие наступления способствовало отрыву ее от пехоты на 70–100 км.

В то же время советская сторона в районе старой границы не имела подготовленной обороны. Киев прикрывался гарнизоном укрепрайона, частями НКВД. Ставка и командование Юго-Западного фронта срочно перебрасывали на Киевское направление резервы для создания ударной группировки – 26-й армии генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко [см.: Исаев, 2004, с. 300–312].

К середине июля все три корпуса 1-й танковой группы Э. фон Клейста были рассредоточены на широком фронте вдоль р. Днепр. При этом разрыв должен был постепенно увеличиваться, так как 48-й моторкорпус продолжал двигаться на Винницу, в то время как 3-й моторкорпус на левом фланге был скован на плацдарме у Киева.

В намечающийся разрыв был введен 14-й моторкорпус фон Виттерсгейма в составе 9-й танковой дивизии и мотодивизии СС «Викинг». К 14 июля корпус вышел к Днепру в район между Фастовом и Белой Церковью (н. п. Попельня и Сквирь).

Дивизии 14-го корпуса были собраны в достаточно плотный кулак, хотя и с разрывами между флангами соединений. Командование Юго-Западного фронта считало это благоприятной обстановкой для контрудара. 26-й армии была поставлена задача окружения и разгрома «Фастовской группировки противника», для чего своими корпусами она должна была наступать в направлении Фастов – Попельня и Сквир – Брусилів. Переход в наступление ожидался 17 июля. Подчеркнем также, что командование требовало высокой скорости наступления. Получив приказ в середине дня 16 июля, к исходу суток войска должны были выполнить ближайшую задачу – выйти к Фастову и Сквире [ЦАМО РФ, ф. 3468, оп. 1, д. 3, л. 66].

Стратегический замысел контрудара был обусловлен спецификой обстановки на юго-западном направлении. Задачами операции были: восстановление линии фронта; обеспечение отвода 6-й и 12-й армий из намечающегося окружения в районе Винницы; предотвращение захвата Киева (последнее утверждение советских исследователей, как минимум, спорно) [см.: Владимирский, с. 166; Грецов, с. 83].

Переход 26-й армии в наступление был упрежден атакой 9-й танковой дивизии, начавшейся вечером 16 июля. В итоге на левом фланге армии 6-й стрелковый корпус генерал-майора Алексева перейти в наступление не смог, более того, был вынужден оставить исходные позиции для контрудара под Белой Церковью [ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 169, л. 36].

64-й стрелковый корпус генерал-майора А. Д. Кулешова смог перейти в наступление на Фастов только 19 июля, т. е. через три дня после начала операции, что было связано с затратами времени на его переброску из резерва [см.: Исаев, 2004, с. 353]. Помимо несогласованного вступления в бой, данная задержка имела еще одно последствие. Это время было использовано немцами для переброски резервов в полосу действий корпуса. Пехота 6-й армии Рейхенау выдвигалась к Киеву для смены 3-го мотокорпуса Макензена, который нависал над флангом 64-го корпуса и всей 26-й армии.

На первых порах корпусу Кулешова удалось добиться некоторых успехов и занять Фастов. Но уже 20 июля в результате контратак мотодивизии «Викинг» при поддержке танков советские войска были выбиты из города, а 21 июля окружены. В целом наступление 64-го стрелкового корпуса было остановлено. 6-й корпус продолжал отход на восток и юго-восток от Белой Церкви [см.: Там же, л. 56–57]. Кроме того, группировка немцев на белоцерковском направлении была усилена 60-й моторизованной дивизией.

Относительно успешными были действия 5-го кавалерийского корпуса, вступившего в бой позже. Ему удалось окружить немецкую группировку силой до полка мотопехоты, но уже к 22 июля этот полк был деблокирован контратакой, поддержанной танками [см.: Там же, л. 58]

23–24 июля ситуация в районе расположения 26-й армии резко изменилась. Несмотря на получение пополнения в размере двух стрелковых дивизий, продолжить наступление она не смогла, поскольку была атакована во фланг силами 3-го мотокорпуса противника, смененного под Киевом пехотой 6-й армии. В дальнейшем происходило фронтальное оттеснение 26-й армии на восток и юго-восток [см.: Макензен, с. 223–227; Гальдер, с. 219].

Мы видим, что, как и в других случаях, на действиях советской стороны негативно сказались не только общие для 1941 г. факторы, но и потери времени на сосредоточение ударных группировок (в случае с 64-м корпусом).

Таким образом, контрудар под Фастовом:

а) был обусловлен оторванностью соединений группы Клейста от пехоты и растянутостью фронта, что делало возможным их окружение;

б) стратегическая цель состояла в перехвате инициативы на Киевском направлении;

в) советская сторона воспользоваться представившейся возможностью в отведенное время не сумела.

Подводя общий итог, отметим следующее: три рассмотренные операции роднит сходство условий их проведения (отрыв немецких танковых соединений от пехоты, их оборона на широком фронте), сходство целей и замыслов операций, а также то, что одним из ключевых факторов неуспеха контрударов была неспособность советской стороны уложиться в отведенное на это время.

Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. М. : Наука, 1989.

Владимирский А. В. На киевском направлении. М. : Воениздат, 1989.

Гальдер Ф. Военный дневник 1941–1942. М. : Вече, 2010.

Глац Д. Крах плана «Барбаросса». М. : Центрполиграф, 2015. Т. 1.

Грецов М. Д. На Юго-Западном направлении М. : Воениздат, 1965.

Еременко А. И. На Западном направлении. М. : Воениздат, 1959.

Исаев А. В. Иной 1941: от границы до Ленинграда. М. : Яуза, 2011.

Исаев А. В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. М. : Яуза, 2010.

Исаев А. В. От Дубно до Ростова. М. : Транзиткнига, 2004.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М. : Воениздат, 1961.

- История* Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. М. : Воениздат, 1975. Т. 4.
Макензен Э. От Буга до Кавказа. М. : АСТ, 2004.
Манштейн Э. Утерянные победы. М. ; СПб. : АСТ ; Terra Fantastica, 1999.
1941 год : в 2 кн. / сост. Л. Е. Решин и др. ; под ред. В. П. Наумова. М. :
Междунар. фонд «Демократия», 1998.

УДК 94(47).084.9:32.019.5

Г. С. Янцевич

ВИЗУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЮБИЛЕЕВ ОКТЯБРЯ В 1950–1970-е гг. В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ»

В статье рассматриваются средства формирования образов советского прошлого. Как изменялся образ давно прошедшей революции на протяжении длительного периода? Как пропаганда посредством образов и мифов формировала представления о прошлом в общественном сознании, тем самым конструируя образ настоящего? Ответам на эти вопросы посвящено наше микроисследование образов Октябрьской революции 1917 г. в визуальных репрезентациях юбилеев Октября в 1957, 1967 и 1977 гг. в журнале «Крокодил».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Октябрьская революция, советские праздники, журнал «Крокодил», исторический образ, визуальный образ.

Согласно определению Я. Ассмана «миф – это обосновывающая история, история, которая рассказывается, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [см.: Ассман, с. 55]. Мифологизация Октября в 1950–1970-е гг. в визуальных репрезентациях «Крокодила» проявлялась в демонстрации достижений успехов советского строя. Дискурс визуального мифа Октября, освобождая прошлое от деталей, не ставил вопросы о дальнейших вариантах и возможностях развития республиканского строя или монархии. Он апеллировал к неизбежности революции и неразрывно связывал с ней текущие успехи, основываясь на эмоциональном, а не рациональном.

Мифологизация с помощью образов и вызываемых ими эмоций неизбежно действовала и на процессы коллективной памяти. Проблемы памяти в исследуемом периоде видятся нам в том, что осталось мало свидетелей революции, многие ее события стали восприниматься через образы и мифы, которые демонстрировались в фильмах, на плакатах, карикатурах, памятниках. Хрестоматийным примером восприятия прошлого